

УДК 613.95+614.1 (470+571)

Solheim Karsten

Master of history, Oslo, Norway

В. М. Середа

Санкт-Петербургский государственный университет

РАСПАД СССР КАК ФАКТОР НОВОЙ ВОЛНЫ БЕСПРИЗОРНОСТИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1985–1996 гг.)

На основе анализа современных российских и зарубежных журнальных публикаций рассматривается динамика беспризорности в России в период с 1985 по 1996 г. Основное внимание уделяется освещению причин, проявлениям и мерам профилактики беспризорности.

Беспризорность, уровень бедности, злоупотребление алкоголем родителями, жестокое обращение с детьми, бегство детей, правонарушения несовершеннолетних, девиантное поведение, профилактика беспризорности, комиссии по делам несовершеннолетних (КДН)

В данной работе авторы предпринимают попытку проанализировать причинно-следственную связь между развалом Советского Союза и возникновением «третьей волны» детской беспризорности¹ в России, используя трехуровневую методологическую модель.

На первом уровне модели исследуется «внешняя среда детской беспризорности» – причины и факторы возникновения беспризорности, выраженные в таких детерминантах, как макрополитические (основные направления развития и изменения в государственной политике); макроэкономические (например, значительное снижение показателей ВВП и рост бедности); микродетерминанты в семье, непосредственно влияющие на условия жизни детей группы риска (алкоголизм родителей, домашнее насилие и другие обстоятельства, толкающие детей на улицу).

На втором уровне модели рассматривается совокупность психологических, медицинских, образовательных, криминалистических, количественных и других характеристик проявленной детской беспризорности, возникающих на фоне процессов, проходящих на первом уровне модели.

На третьем уровне представлен анализ «системы профилактики детской беспризорности», обладающей позитивным потенциалом, позволяющим как предупредить детскую беспризорность, так и помочь детям, уже оказавшимся на улице. Взаимодействие уровней будет проходить в направлении от общества в целом в сторону третьего уровня модели – т. е. в сторону изменения способности системы профилактики принимать эффективные меры для устранения причин возникновения детской беспризорности и снижать ее показатели.

---

¹ Под понятием «беспризорный» в данной статье авторы предлагают понимать несовершеннолетнего, живущего хотя бы периодами «на улице», без какого-либо контроля со стороны взрослых лиц, ответственных за него. Это определение соответствует пониманию «беспризорности» у таких авторов, как, например, А. Л. Арефьев [1] и С. К. Жилиева [2]. Другое определение предлагается Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где проводится разграничение между понятием «безнадзорный» и «беспризорный».

Статья основана, прежде всего, на материалах, опубликованных в 1985–1996 гг. Начало данного периода совпадает с избранием М. С. Горбачева Генеральным секретарем КПСС в 1985 г.; окончание – с прохождением «точки невозврата» постсоветского социально-экономического развития, когда Б. Н. Ельцин в 1996 г. спорным образом обеспечил себе второй срок в качестве президента РФ. В контексте нашего исследования надо отметить, что глубочайший политический, экономический, социальный и моральный кризис российского общества в течение длительного периода 1985–1996 гг. не мог не оказать отрицательного воздействия на функционирование системы борьбы с беспризорностью.

Но не следует рассматривать формирование описанных процессов как predetermined динамичную динамику, лишённую какого бы то ни было субъективного влияния. Так, условия функционирования основных органов профилактики беспризорности – Комиссий по делам несовершеннолетних (КДН) – зависели от адекватного восприятия политиками меняющейся конкретной ситуации в контексте феномена детской беспризорности. В соответствии как с советским, так и с российским законодательством, КДН должны были консолидировать усилия государства и общества через соответствующие структуры на всех уровнях вертикали власти до общественных организаций на местах в скоординированной борьбе с беспризорностью. И, что важнее всего, условия деятельности КДН зависели от внесения необходимых изменений в ту политику, которая, как стало очевидно очень скоро, создала чрезвычайно неблагоприятную обстановку в стране, в том числе в отношении детей.

Основной задачей данной статьи поэтому является изучение вопроса существования источников информирования руководящих деятелей по детской теме в позднесоветской и постсоветской России. Чтобы восстановить обстановку, в которой происходил процесс осознания политическими лидерами страны растущих рисков детской беспризорности, мы рассмотрели российские журналы, так или иначе касающиеся детской проблематики, вышедшие в течение изучаемого периода.² В качестве дополнительной базы источников авторы использовали также публикации подобных зарубежных журналов.³

Далее в обзоре авторы статьи пытаются изучить динамику развития темы по основным показателям на каждом из трех уровней используемой модели, таким как: бедность семей, имеющих детей; злоупотребление алкоголем родителями; жестокое обращение с детьми, другие неблагоприятные условия проживания в семье (показатели детерминантов беспризорности) [3, с. 155]; правонарушения, совершенные несовершеннолетними; количество беспризорных де-

---

² Ваше право; Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы; Вопросы борьбы с преступностью; Вопросы психологии; Вопросы философии; Дефектология; Директор школы; Журнал невропатологии и психиатрии; Законность (Социалистическая законность); Коммунист; Криминология и уголовная политика; Народное образование; Обозрение психиатрии и медицинской психологии; Отечественная история; Педагогика; Правозащитник; Проблемы совершенствования советского законодательства; Психологический журнал; Родина; Семья и школа; Следователь; Советская юстиция (Российская юстиция); Советское государство и право (Государство и право); Социальная защита; Социальная работа; Социальное обеспечение; Социальный потенциал семьи; Социологические исследования; Юридическая газета.

³ Addiction; Alcohol and Alcoholism; British Medical Journal; Child Abuse and Neglect; Child Development Research; Child Indicators Research; Childhood; Childhoods today; Children, Youth and Environments; Communism; Contemporary Drug Problems; Drug and Alcohol Dependence; European Journal of Population; Europe-Asia Studies; Family Relations; Feminist Economics; Forum Novejsej Vostocnoevropejskoj Istorii i Kultury; International Journal of Social Welfare; Journal of Adolescent Chemical Dependency; Journal of Children and Poverty; Lancet; Russian Social Science Review; Social Forces; Social Politics; Social transition and health; Social Work in Europe; Soviet Studies; The International Journal of the Addictions.

тей (показатели феномена беспризорности); способность системы профилактики предотвращать новые случаи беспризорности, выявлять новые случаи и предпринимать адекватные меры помощи этим детям, а также обеспечивать координацию всех компонентов данной системы (показатели эффективности системы профилактики). Что касается показателей детерминантов беспризорности, для сравнения следует рассмотреть «Шкалу факторов риска беспризорности» на уровне семьи с соответствующей оценкой риска по баллам, разработанную одним из авторов статьи, экспертом в вопросах социальной защиты дезадаптированных детей. Согласно этой шкале, злоупотребление родителями алкоголем – 10; жестокое обращение с детьми – 10; употребление родителями наркотиков – 10; мать ребенка ведет асоциальный образ жизни – 10; отсутствие постоянной работы у родителей – 10; неблагоприятный психологический климат в семье – 8; доходы в семье значительно ниже прожиточного уровня – 6; плохие бытовые условия – 5; многодетность – 9; отсутствие одного из родителей – 5 баллов.

Анализ материалов в отношении ситуации по детскому вопросу проводится последовательно в отношении трех переломных периодов развития: в начале перестройки (1985–1988); на заключительном отрезке существования СССР (1989–1991); на этапе «шоковой терапии» и до вторых президентских выборов в России (1992–1996).

В связи с тем, что общеполитические детерминанты беспризорности не отражены в рассмотренных журнальных статьях, авторы предлагают (на основе общеизвестных сведений) общие короткие вступительные характеристики для каждого из названных периодов.

В начале перестройки (1985–1988). В марте 1985 г. М. С. Горбачев был избран генеральным секретарем КПСС. Осознав, что СССР в течение десятилетий технологически и экономически отставал от западных соперников, советский лидер приступил к внутрисистемным реформам с целью добиться ускорения экономического развития страны. Тем не менее за период 1985–1989 гг. не было получено никаких существенных результатов. Крайне спорная антиалкогольная кампания, став в центре советской внутренней политики этих лет, принесла только ограниченные улучшения в социальной сфере, в области демографии и преступности.

Согласно советскому дискурсу, «бедность» как явление была ликвидирована в Советском Союзе. В связи с этим не вызывает удивления то обстоятельство, что за период 1985–1989 гг. мы не нашли публикаций, в которых «бедность» семей рассматривается как фактор, обуславливающий детскую уязвимость. Вместо этого используется термин «неблагополучные семьи» – понятие, которое, очевидно, должно подразумевать отсутствие материального достатка в семье. Например, в статье, напечатанной в 1987 г. в журнале «Отечественная история», читаем: «Если говорить о социальных корнях преступности несовершеннолетних, то их следует искать, на наш взгляд, в миллионах неблагополучных семей и “отклоняющемся поведении” их отпрысков <...>» [4].

В этот период в печати появляется много материалов, посвященных социальным и иным проблемам, вызванным чрезмерным потреблением алкоголя населением. Тем не менее среди проанализированных печатных изданий найдено относительно мало специализированных статей, рассматривающих тему алкоголизма и детского неблагополучия.

В одной из работ 1985 г., в самом начале проведения антиалкогольной кампании, утверждалось, что «алкоголизм – причина распада многих семей, их неблагополучие, что сказывается самым неблагоприятным образом на воспитании детей» [5]. В этой же статье

автор продолжает: «...проблема пьянства и алкоголизма в стране за последние годы обострилась». Эти два замечания позволяют нам сделать следующий вывод: в этот период проблема злоупотребления алкоголем родителями становится все более значимой причиной детской беспризорности.

Есть и другие примеры. Из материала, опубликованного в 1987 г., узнаем, что «наиболее опасно для детей и подростков пьянство в семье» [6]. «Исследования педагогов, юристов, медиков показывают, что у пьянствующих родителей большинство детей (до 80 %) не осваивают школьную программу, нарушают дисциплину, каждый второй совершает преступление, почти половина детей лечится в психоневрологических клиниках» [6, с. 35].

Существование взаимосвязи между алкоголизмом и усилением риска распада браков было отмечено в цитированной статье [5]. В последние десятилетия разрушенные браки, а также внебрачные дети стали все более распространенным явлением в СССР. То, какова в действительности была динамика разводов во время правления М. Горбачева или какие риски могут возникать в случае воспитания ребенка одним родителем (при наличии и других детерминантов беспризорности), никак не освещается в исследованном материале данного периода. Однако в статье 1990 г., написанной Н. Трубиным, первым заместителем Генерального прокурора РСФСР, приведена информация, что «ежегодно расторгаются до 400 тыс. браков». Интересно для целей нашего исследования еще одно замечание в той же статье: «среди осужденных подростков почти 40 % составляют дети из неполных семей» [7].

Что касается темы насилия над детьми (следует отметить, что материалы по этому вопросу, доступные в настоящее время, доказывают, что родительский алкоголизм является значительным фактором риска для детей) [8], этот вопрос не был предметом открытого обсуждения в России до середины 1990-х гг. [9]. Это объясняет, пожалуй, полное отсутствие в изученной литературе данного периода упоминаний о случаях насилия над детьми как основного фактора, вызывающего формирование делинквентной личности. Лишь в одной статье есть ссылка на эмпирическое исследование (не советского, а польского автора), в котором сказано, что из 716 несовершеннолетних правонарушителей, включенных в исследование, 320 подвергались «грубому обращению» [10].

Перед тем как перейти к феномену детской беспризорности, второму уровню нашей исследовательской модели, следует прокомментировать тему связи между преступностью среди молодежи и беспризорностью. В статье, опубликованной в 1988 г., посвященной деятельности сектора для изучения преступлений несовершеннолетних во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, автор называет в качестве факторов, предшествующих и сопутствующих росту преступности среди подростков, «употребление спиртных напитков, наркотиков и токсических средств, а также половую деморализацию» [11]. Все эти явления, наряду с такими аномалиями, как преступления в корыстных целях, а также насильственные преступления (последние, естественно, в меньшей степени), несомненно, характеризуют жизнь и быт многих беспризорных детей, создавая таким образом некую общность между «обычными» несовершеннолетними правонарушителями и беспризорниками.

Когда мы в дальнейшем будем обсуждать вопрос о существовании беспризорности в трех рассматриваемых временных отрезках, мы будем исходить из того, что в нашем контексте уровень правонарушений и преступности несовершеннолетних может служить показателем распространения беспризорности.

В начале описания данного периода мы уже отмечали, что в результате антиалкогольной кампании наблюдалось некоторое снижение уровня преступности. Однако в материалах, изученных в целях настоящей работы, приводятся противоречивые оценки. В цитированном выше материале 1987 г. о «современных социальных проблемах молодежи» автор статьи обращает внимание читателей на «...тревожную динамику преступности, в том числе молодежной...» [4]. В другой публикации, правда, появившейся только в 1994 г., автор анализирует проблему преступности среди молодежи в Центрально-Черноземном регионе и отмечает, что за 1983–1987 гг. произошло «небывалое, по сравнению с предыдущими десятилетиями, сокращение преступности по всем ее основным показателям» [12].

В журнальных материалах по детскому вопросу, вышедших в 1985–1988 гг., мы не нашли упоминаний о существовании беспризорников в СССР в этот период. Тот факт, что информация об уличных детях не была отражена в периодической литературе, не может, пожалуй, вызывать удивление – ведь речь идет о времени, когда определенные идеологические табу все еще оставались в силе. Однако при анализе специализированной литературы (например, работ врача-психиатра и доктора педагогических наук А. Н. Алмазова) можно установить, что еще при традиционном социализме были зарегистрированы отнюдь не единичные случаи беспризорности: «Безнадзорное общение детей “одинаковой судьбы” при всех неудобствах бродяжничества (голод, холод, гигиеническая запущенность, болезни, страх перед подростками) обладает для каждого из них притягательной силой, которую дает чувство облегчения после разрешения психического напряжения» [13, с. 89].

На основе проанализированной литературы можно утверждать, что уже в период, когда социальная и экономическая сферы, предположительно, продолжали функционировать относительно стабильно, т. е. без крупных сбоев, стали проявляться признаки ослабления системы профилактики беспризорности.

Во-первых, способность системы, в более широком смысле слова, обеспечивать условия для стабильного организованного активного досуга детей, в частности из неблагополучных семей, поставлена под сомнение, например, в статье члена областного суда г. Костромы А. Румянцева, опубликованной в журнале «Советская юстиция» в 1987 г. На основе результатов анализа практики применения законодательства в отношении правонарушений несовершеннолетних в данной области А. Румянцев утверждает, что одна из причин правонарушений заключается в «неорганизованности досуга и безнадзорности несовершеннолетних». Автор приводит цифры, показывающие, что «половина всех преступлений совершена на улицах и в других общественных местах, каждое четвертое – в субботние, воскресные или праздничные дни, около половины – после 22 часов» [14]. Кроме того, автор цитируемой статьи подвергает критике работу отдельных компонентов общей системы профилактики беспризорности – такой, как, например, профилактическая работа, проводимая комсомольскими организациями среди молодежи. Автор высказывает мнение, что именно ВЛКСМ несет ответственность за «упущения», поскольку не проявлял должной активности в отношении подростков и молодых людей «в трудную минуту», а вместо этого оставлял их «один на один со своими заботами, проблемами» [14].

Следует также заметить, что система профилактики и вовсе не была способна – очевидно, по причине отсутствия альтернативных способов размещения детей или малоэффективного стиля функционирования системы – обеспечить место в детском учреждении или оформить усыновление в частной семье для устройства тех детей, кто не мог больше жить

у себя дома вследствие невыносимых условий: «В настоящее время особую актуальность приобретает вопрос о своевременном исполнении решений по делам о лишении родительских прав. Практике известны случаи, когда дети после вступления решения суда в силу долгое время продолжали жить вместе с лицами, лишенными родительских прав, и по-прежнему подвергались их пагубному влиянию» [15].

По поводу общей координации системы профилактики была высказана озабоченность, например, в журнале «Вопросы борьбы с преступностью» в 1988 г.: «Значительное число органов и организаций, участвующих в предупреждении правонарушений несовершеннолетних, заставляет постоянно заботиться об обеспечении единства данной системы, а именно: о ее внутренней организованности, скоординированности и взаимодействии всех ее субъектов» [16].

Подводя итоги по публикациям первого периода, можно утверждать, что в доступных материалах отсутствуют факты, свидетельствующие об ухудшении условий во внешней среде (обществе) и распространении беспризорности. Однако рассмотренный материал позволяет утверждать, что советская система профилактики уже тогда была перегружена и не располагала ресурсами, позволявшими должным образом справляться с существующим объемом работы с детьми группы риска.

Заключительный этап существования СССР (1989–1991). К 1989 г. внутрисистемные горбачевские реформы, по всей видимости, уже исчерпали свой конструктивный потенциал для обеспечения дальнейшего экономического роста. К тому же советского лидера начинает резко критиковать появившаяся к этому времени ничего не боящаяся оппозиция. В таких условиях Горбачев приступил к еще более радикальным инициативам, в результате которых очень скоро в СССР ВВП стал снижаться, повсеместно распространился дефицит, начались социальная и национальная дезинтеграция. Растущая напряженность в обществе, совпавшая с провалом антиалкогольной кампании, вызвала новую волну пьянства среди родителей, неизбежно создавая ситуацию риска для уязвимых детей.

Бедность в обществе и в семье как детерминант беспризорности. В 1990 г. был проведен круглый стол, в ходе которого ведущие советские эксперты по защите прав детей обсуждали, какие обязательства для СССР возникают из Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией ООН в ноябре 1989 г. и Советским Союзом в январе 1990 г. В журнале «Советская юстиция», в статье, посвященной этому мероприятию, заместитель председателя Всесоюзного (затем – Российского) детского фонда Е. Рыбинский также упоминает о проведенном ранее совместном заседании Комитетов Верховного Совета СССР: по делам молодежи, по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства, по международным делам, по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, на котором обсуждали вопрос о принятии Верховным Советом СССР вышеупомянутой Конвенции. Рыбинский сообщает, что на этом заседании «многие депутаты» высказывали мнение, что СССР находится в «тяжелом экономическом положении», и что поэтому «мы не можем взять на себя обязанность по выполнению требований» Конвенции, «иначе опять будет декларация» [17].

Далее Рыбинский пишет, что проводимые руководством СССР экономические реформы «особенно в первые годы» будут «негативно отражаться на обеспечении социальных нужд», что «прежде всего, коснется детей». В качестве отрицательных последствий проводимой политики автор называет сокращение финансирования детских садов, внешкольных учреждений и организации досуга детей. Рыбинский также предсказывает «общее повышение цен и безработицу» [17].

По мнению Рыбинского, подобные прогнозы не привлекают должного внимания ни со стороны руководства страны, ни со стороны общественности: «...к сожалению, редко кто задумывается, мало говорят и пишут о том, что нас ждет в этом плане с учетом перехода на пути экономической реформы» [17].

Подобные пессимистические предсказания можно найти и в статье ведущего научного сотрудника Ленинградского филиала института социологии АН СССР Я. И. Гилинского: «Динамизм социальных процессов в период перестройки, кризисная ситуация во многих сферах общественной жизни неизбежно приводят к увеличению девиаций, проявляющихся в поведенческих формах, отклоняющихся от норм». Наряду с такими негативными явлениями, как рост социальной незащищенности граждан, насильственной и корыстной преступности, алкоголизации и наркотизации населения, автор также констатирует усиление «подростковой делинквентности, аморальности» [18].

Другие детерминанты беспризорности в семье – родительский алкоголизм и насилие. С провалом и дискредитацией антиалкогольной кампании к 1988 г. можно предположить, что для исследователей и публицистов становится менее привлекательно заниматься темой чрезмерного потребления алкоголя, в том числе в качестве детерминанта детской беспризорности и других социальных зол. В отношении «негативного воздействия» «социально-психологических акций» антиалкогольной кампании, Р. Пихоя замечает: «невольно вспоминается русская пословица – заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет» [19, с. 33]. Далее автор лаконично утверждает: «Идиотизм официальной борьбы с пьянством состоял и в том, что она прикончила реальное трезвенническое движение в стране. Кампания настолько себя скомпрометировала, что к 1988 г. незаметно скончалась» [19, с. 34].

Как бы то ни было, за период 1989–1991 гг. авторами обнаружено гораздо меньше материалов на тему алкоголя, чем за предыдущий период. Несмотря на отсутствие серьезных исследований, проблема злоупотребления алкоголем продолжает рассматриваться как одна из причин семейного неблагополучия. Например, в статье первого заместителя Генерального прокурора РСФСР Н. Трубина, достаточно ясно указано на корреляцию между чрезмерным употреблением алкоголя и повышенной детской уязвимостью (в том числе, как причина беспризорности): «В результате пораженности семей пьянством, алкоголизмом, наркоманией ежегодно около 60 тыс. детей остается без родительского попечения» [7, с. 2–3].

В социологических исследованиях российских авторов данного периода насилие над детьми представлено как феномен, который, по-видимому, исследователи включают в понятие «неблагополучные семьи» и, очевидно, связывают с употреблением алкоголя и наркотиков, а также с другими детерминантами беспризорности. Тем не менее в уже названной публикации о Конвенции о правах ребенка, вполне ясно утверждается, что «растет число жестокого обращения родителей с детьми» [17, с. 9].

Перейдем ко второму уровню исследовательской модели – к феномену беспризорности. Материал изученных источников показывает, что в течение периода 1989–1991 гг. растут «правонарушения несовершеннолетних», которые, как было отмечено ранее, можно считать предшествующим или сопутствующим факторами детской беспризорности. В статье «О правовой незащищенности несовершеннолетних и путях ее устранения» главный научный сотрудник Сектора гражданского права при Институте государства и права АН СССР А. М. Нечаева пишет: «Растет число подростков, злоупотребляющих алкоголем. Только за 8 месяцев 1989 г. 133 тыс. несовершеннолетних были подвергнуты административным

взысканиям за пьянство, а количество детей, доставляемых в органы милиции, приблизилось к 1 млн. За 9 месяцев 1989 г. в Москве подростками совершено 3619 преступлений (рост по сравнению с 1988 г. на 82,2 %)» [20].

Что касается вопроса существования беспризорности (в меньшей степени – детского бродяжничества, его можно назвать стадией, предшествующей беспризорности), то это явление в атмосфере гласности описывается довольно открыто. В процитированной выше статье о положении детей в СССР на момент принятия страной Конвенции ООН о правах ребенка прямо отмечается, что среди 958 тыс. подростков, которые в 1989 г. были доставлены в органы внутренних дел, 99 тыс. – так называемые «побегушники» [17, с. 9].

То обстоятельство, что проблема детского бродяжничества в связи с углубляющимся кризисом в стране, также распространялась и на детские учреждения, подтверждено в статье прокурора Волгоградской области Н. Руднева (в соавторстве с В. Мальцевым), в которой описана ситуация в конкретной спецшколе. Согласно приведенным авторами данным, в школе чувствуется большая нехватка средств, и «практически» не осуществляется контроль «над процессами, происходящими среди учащихся». В результате растет число побегов: «Лишь приемником-распределителем для несовершеннолетних в 1989 г. возвращались в школу 46 раз, а уже за первую половину 1990 г. – 47». Далее, со ссылкой на «материалы Прокуратуры РСФСР», авторы сообщают, что «известно, что подобные недостатки есть и в других регионах» [21].

Проанализированная литература данного периода отражает ситуацию, описанную уже в предшествующем периоде, причем исследователи, занимающиеся детским вопросом, критикуют практику работы системы профилактики, в частности, недостатки в организации досуга детей и подростков. Так, в статье 1990 г., касающейся Кировской области, Л. Журавлева утверждает, что «главная причина совершения подростками различных общественно-опасных посягательств – неорганизованность их досуга» [22].

Тот же автор резко критикует работу комиссии по делам несовершеннолетних, а также деятельность органа милиции по предотвращению преступности среди подростков – инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН). ИДН, в свою очередь, работали в тесном контакте с КДН в сфере деятельности по профилактике беспризорности [23]. На основе результатов изучения состояния профилактической работы народных судов по делам в отношении несовершеннолетних, Журавлева, в частности, указывает на «серьезные недостатки» со стороны комиссий и инспекций по делам несовершеннолетних «в организации индивидуальной профилактической работы с подростками, состоящими на учете в отделах внутренних дел области...» [22, с. 8].

Во время проведения упомянутого круглого стола по Конвенции о правах ребенка, ведущий специалист Министерства образования доктор юридических наук А. Дзугаева дает тревожную оценку как состояния скоординированности данной системы профилактики беспризорности, так и ее отдельных компонентов. По поводу координации Дзугаева утверждает: «...в стране отсутствует единый квалифицированный и полномочный орган, способный решать весь комплекс проблем, связанных с социально-правовой охраной детства» [17, с. 11].

С точки зрения Дзугаевой, «в нашей стране проблемами охраны прав несовершеннолетних, большей их частью, в органах народного образования занимаются инспектора по охране детства». Кстати, данное высказывание ведущего специалиста демонстрирует некоторую неясность в системе определения полномочий и координации профилактической работы. Ведь

согласно положению об общественном инспекторе по охране детства, в обязанности инспектора входит требование «проводить профилактическую работу с неблагополучными семьями, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, осуществляя при этом постоянную связь с Комиссией по делам несовершеннолетних...». Однако в Положении о КДН четко прописано, что «главными задачами комиссий по делам несовершеннолетних являются организация работы по предупреждению безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних, устройство и охрана прав несовершеннолетних, координация усилий государственных органов и общественных организаций по указанным вопросам...» [24].

Но дело заключается, пожалуй, не столько в некоторой нечеткости в определении компетенции названных органов профилактики, сколько в том, что, по замечанию Дзугаевой, «только 40 % отделов народного образования... укомплектованы этими инспекторами» [17, с. 11].

Несмотря на отсутствие сравнительных статистических данных, можно утверждать, что материалы статей, относящиеся к периоду 1989–1991 гг., свидетельствуют о том, что бедность становится еще более серьезной проблемой и что в уязвимых семьях условия жизни детей ухудшились. Те же источники позволяют сделать вывод, что, по сравнению с предыдущим периодом, из дома ушло большее число детей, прибегнув к этому последнему выходу из нестерпимой ситуации: от безразличных или жестоких родителей или людей, ответственных за судьбу этих детей. И, наконец, наступил момент, когда система профилактики беспризорности исчерпала свой потенциал. Из всего сказанного становится очевидно, что для советских руководителей, которые оставались во власти реально до августа 1991 г., и для их соперников и затем преемников, было вполне очевидно, что любое дальнейшее ухудшение ситуации в стране и общей среды детской беспризорности создаст новые угрозы, которые будут несовместимы с существующей системой защиты детей.

Результаты политики «шоковой терапии» (1992–1996). В 1988–1989 гг. бывший партийный руководитель Б. Н. Ельцин стал лидером оппозиции как активный критик многочисленных недостатков советской системы, усугубленных в конце периода руководства страной М. Горбачевым. Взявший верх в правительстве Российской Федерации в августе 1991 г. Б. Ельцин обещал скорейшие улучшения в экономике и социальной жизни страны. Но вместо быстрого общественного возрождения запущенная в январе 1992 г. «шоковая терапия» вызвала беспрецедентный социально-экономический спад и в том числе массовую бедность и отчаяние. КПСС, которая в течение всей советской эпохи контролировала все стороны жизни страны, была запрещена в августе 1991 г. в результате провалившейся попытки остановить распад СССР. Внезапно возник огромный вакуум во властных структурах, что открыло неограниченные перспективы для людей со связями и позволило им приватизировать и эксплуатировать в свою пользу прибыльные предприятия и организации. В то же время неприбыльный сектор (в том числе система социальной защиты детей) в значительной степени остался предоставлен сам себе, без внимания и поддержки со стороны государства.

В изученных нами журнальных публикациях драматическое обнищание населения после 1991 г. и его последствия для уязвимых семей отражены весьма слабо. Например, экономист Всемирного банка Бранко Миланович подсчитал количество бедных людей в России и Восточной Европе до и после системных изменений, используя одинаковые критерии бедности и покупательной способности для обоих периодов. Миланович пришел к выводу, что в период 1987–1988 гг. общее количество бедных составляло всего 2 % населения (2,2 млн человек). Подобная цифра для периода с 1993 до 1995 г. – 50 % и 74,2 млн человек соответственно [25].

Вместо того чтобы определять пострадавшие в кризисный период семьи как «бедные», авторы статей на детскую тему данного периода продолжают использовать смягчающие эпитеты: «малообеспеченные» семьи. Примеры подобной подмены понятий найдем в статье начальника отдела Министерства социальной защиты населения М. Мирсагатовой (в соавторстве с ее помощником М. Вшановым). Вместе с тем в своем описании проблемы указанные авторы предлагают объяснение причинно-следственной связи между экономическим кризисом и – по нашей терминологии – развитием благоприятной среды для детской беспризорности: «То положение дел в экономике России, которое сложилось на сегодня, привело к значительным социальным потерям и ударило в первую очередь по семьям с детьми. Резко возросло число малообеспеченных семей <...> Да в семье, где взрослые измучены проблемой выживания, не до воспитания детей» [26].

В статье, опубликованной российским социологом и заместителем директора по науке Всероссийского центра уровня жизни В. П. Култыгиным на английском языке в 1993 г., четко описаны последствия обнищания населения как результата политики «шоковой терапии». На основе исследований, проведенных в трех российских регионах, В. Култыгин утверждает, что, по состоянию на середину 1992 г., ситуация в России характеризуется «тенденцией катастрофического снижения уровня жизни, охватывающего все больше прослоек населения». Исследователь привлекает внимание к тому, что «особенно критическим является положение в семьях, принадлежащих к группе риска обеднения – т. е. семейства с одним родителем... и многодетные семьи» [27].

Согласно исследованию В. Култыгина, ситуация, в частности в Рязанской области, следующая: 91 % группы семейств с одним родителем и 87 % других семей, имеющих детей, относились в 1992 г. к категории «бедные семьи». Только 2,6 % семей, имеющих детей, были, согласно данному исследованию, «хорошо обеспеченными» [27].

В. Култыгин также приводит данные о последствиях «шоковой терапии» для системы социальной защиты детей. Например, в 1992 г. было закрыто более 4500 детских оздоровительных лагерей. Оплата пребывания в лагерях других категорий увеличилась в 100 раз. В результате «каждый месяц более миллиона мальчиков и девочек были лишены организованного и активного отдыха в течение лета 1992 г.» [27, с. 146].

В. Култыгин дает весьма пессимистический прогноз в отношении дальнейшего развития социальной сферы. Ссылаясь на исследования Всероссийского центра уровня жизни совместно с Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН, Култыгин сделал предположение о том, что последствия текущих экономических реформ к 1995 г. приведут к сокращению личного потребления больше чем на 40 %. Далее исследователь предполагает, что в результате сокращения производства до 22 млн человек станут безработными [27, с. 145].

Несмотря на то, что в эти годы происходит значительный рост потребления алкоголя среди многих миллионов граждан, наиболее пострадавших от расширяющегося кризиса, о пагубных последствиях этого явления в изученной нами литературе данного периода написано мало. Вот что пишет А. В. Немцов (который, по сравнению с некоторыми другими исследователями, дает консервативные оценки реального потребления алкоголя на душу населения России в данный период): «К сожалению, приходится констатировать, что рыночные реформы в России сопровождались резким ростом потребления алкоголя, в результате чего наша страна в 1992 г. практически достигла уровня, который существовал перед началом антиалкогольной кампании (1984 год). В 1993 году по уровню потребления алкоголя Россия заняла первое место мире (14,5 литров 100 % алкоголя на человека в год)» [28].

Тем не менее пример упоминания о проблеме алкогольной зависимости мы находим в замечательной статье «Защитить права детей», написанной в 1992 г. заместителем начальника отдела управления общего надзора Генеральной прокуратуры Российской Федерации О. Воробьевым: «...сотни тысяч детей растут в обстановке пьянства, скандалов и драк, в атмосфере аморального поведения и проявления жестокости со стороны родителей» [29].

Весьма ограниченное внимание в изученных материалах уделено и теме «жестокое обращение» с детьми. В статьях полностью отсутствует сравнительный статистический материал по этому вопросу. Также нет упоминаний о существовании сексуального насилия над детьми. Хотя в диссертации 1991 г. еще одного исследователя из Польши открывается страшная действительность сексуального насилия над детьми в России (подобно тому, как это явление в той или иной форме существует и в других странах). Исследователь Г. Лашук пишет: «...“иногда” мать осознает факт, что отец или отчим насилует или даже “сожительствует” с ее дочерью. Однако мать никогда не сообщит о преступных действиях и не станет противостоять преступнику из страха потерять кормильца семьи» [30, с. 147]. В издании «Ваше право» (приложение к журналу «Социальная защита») под рубрикой «Сломанные детские судьбы» мы тем не менее находим данные, которые убедительно демонстрируют распространенность данной причины детской беспризорности: «В результате жестокого обращения с детьми 70 % всех детских травм – семейно-бытовые» [31].

Между тем Россия переживала глубокий кризис института брака. Количество расторгнутых браков увеличилось с 400 000 в 1990 г. [7] до 500 000 в 1993 г. [31]. Как уже отмечалось, проблема неполных семей, выступающая в сочетании с другими детерминантами, может служить причиной роста детской беспризорности.

В связи с этим следует упомянуть еще одну отрицательную тенденцию, которая в сочетании с некоторыми дополнительными неблагоприятными условиями может подготовить почву для детской беспризорности: рост численности матерей, которые, по разным соображениям, считали, что не смогут воспитать собственных детей. В статье, опубликованной в «Вашем праве» в 1993 г., для сведения читателей приводят данные, что за 5 лет «количество так называемых отказных детей увеличилось... на 30 % ...» [31].

Как становится ясно из обзора литературы данного периода, количество материалов по разным детским вопросам парадоксальным образом уменьшается с развитием общественного кризиса страны. Упомянутая статья заместителя начальника Генеральной прокуратуры Российской Федерации О. Воробьева в связи с этим приобретает особую важность. Но самое главное заключается в том, что данную статью можно считать авторитетной и достоверной потому, что ее выводы основаны на результатах всероссийских проверок региональных судов, служб прокуратуры и общественных организаций, проведенных Генеральной прокуратурой.

В частности, что касается «феномена детской беспризорности», в той же статье упоминается о том, что уже в 1990-е гг. «в органы внутренних дел доставлено свыше 155 тыс. детей, ушедших из семьи и ставших бездомными» [29, с. 31].

К сожалению, у нас отсутствует корректная информация о дальнейшей динамике роста количества беспризорников, что, следует подчеркнуть, остается печальным фактом до настоящего времени. Чтобы восстановить положение дел, необходима статистика по беспризорности, которую могли бы вести органы внутренних дел. Тогда были бы зарегистрированы все случаи выявления беспризорных детей, с которыми сталкивались милиция. Но этого не было. Если бы регистрировались все беспризорники, органы внутренних дел, по закону, должны были бы находить приют этим детям. А ведь альтернативных вариантов

размещения детей в тот период, по всей видимости, не существовало. В любом случае, по данной категории дел архивы МВД закрыты по сей день – придется подождать с более подробными ответами на эти вопросы.

Тем не менее в различных исследованиях приводятся данные о количестве беспризорников. Например, один американский ученый и социальный работник, в интересующий нас период длительное время находившийся в Санкт-Петербурге, дает следующую оценку количества и описание условий существования уличных детей: «в этом городе – 20000 беспризорников, которые выживают за счет своей смекалки, ночуя, где они могут, на станциях метро, в заброшенных зданиях и общественных туалетах» [32].

В приложении «Ваше право» 1993 г. в статье, о которой неоднократно упоминалось выше, приведена иная цифра: «У нас огромное число беспризорников. Только Санкт-Петербург провел социологические исследования – оказалось, что около 50 тысяч бродящих живут в городе по подвалам» [31]. Далее автор дает подробное описание жизни этих несчастных детей, которая, согласно ей, «...не укладывается в общепринятые стандарты. У них утрачены элементарные социальные и бытовые навыки. Они едят руками, не могут спать в постели, не знают элементарных правил гигиены, у них смещенное восприятие времени суток – днем спят, ночью бодрствуют. Зато большинство приобщено к алкоголю, табаку, другим дурным привычкам. Подвальные дети порой не знают “рода-племени”, на них впервые заводятся документы» [31].

Что касается вопроса об эффективности существующей системы профилактики, то нам снова придется обратиться к статье сотрудника Генеральной прокуратуры, опубликованной в 1992 г. [29]. Автор указывает на парадоксальный факт повсеместного развития предпосылок для роста детской беспризорности и, одновременно, уменьшения внимания к социальным вопросам и вмешательства со стороны властей: «На фоне продолжающегося роста семейного неблагополучия – значительно снизилась активность правоохранительных и других государственных органов по применению мер гражданско-правового, административного и уголовного воздействия в отношении родителей, злостно уклоняющихся от своих обязанностей».

Далее автор указывает на то, что отсутствие координации в системе профилактики приводит к трагическим последствиям: «Не везде налажен деловой контакт органов опеки и попечительства с работниками внутренних дел, народного образования и здравоохранения, комиссий по делам несовершеннолетних. Многие родители, ведущие антиобщественный образ жизни и уклоняющиеся от воспитания и содержания детей, выпадают из поля зрения названных органов» [29, с. 31].

Несмотря на ухудшение положения, все меньше детей, находящихся в самом критическом положении, оказывались спасены от обстоятельств, хотя в идеальной ситуации можно было бы ожидать, что их будет больше. В статье Воробьева указывается на то, что «за последние годы сокращается количество исков о лишении родительских прав». «В то же время множество детей, нуждающихся в защите и помощи, продолжают жить в деморализованных семьях. В случае изъятия детей эта мера принимается с запозданием, как правило, на 6–8 лет» [29, с. 32]. Качество работы КДН, кажется, не удовлетворяет никаким требованиям – КДН «крайне редко выясняют причины правонарушений, не интересуются судьбой детей, родители которых не уделяют внимания их воспитанию». Далее, КДН «занимают выжидательную позицию в отношении родителей. Лишь изредка они ограничиваются общественными порицаниями и штрафами» [29, с. 33].

Однако автор не выходит за рамки непосредственного объяснения происходящего, не предлагая никакой гипотезы о глубинных причинах возникновения и развития беспризорности в стране (т. е. политических и экономических изменениях): «Все эти недостатки во многом объясняются упущениями в организации работы прокуратур республик, краев и областей, в том числе в планировании» [29, с. 34].

Изучение конкретных мер по преодолению отрицательных последствий развития кризиса беспризорности со стороны властей выходит за рамки нашего исследования. Не подлежит сомнению тот факт, что власти принимали соответствующие постановления и другие законодательные документы на протяжении всего рассмотренного нами периода. В некоторых из цитированных выше статей есть ссылки на подобные действия. Например, Указ Президента РФ № 1338 от 06.09.1993 г. «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав». В данном указе речь идет об укреплении системы профилактики, в том числе ее скоординированности [31, с. 2].

В исследованных источниках мы не обнаружили материалов, в которых была бы сделана попытка дать оценку эффективности того или иного законодательного документа. Однако в самом конце пребывания Б. Ельцина на посту главы государства главный научный сотрудник Института государства и права РАН Э. Б. Мельникова в статье «Профилактика безнадзорности детей и подростков», не назвав никаких конкретных инициатив, предлагает выразительную и печальную итоговую характеристику результативности мероприятий по защите детей, предпринятых российскими властями в 90-х гг. – по нашей терминологии – для исправления «среды детской беспризорности»: «И в числе главных негативных реалий новой российской жизни следует указать резкое падение экономической, социальной и правовой защищенности детей и подростков. Некогда забытый призрак детской беспризорности уже не стучится, а, толкнув дверь ногой, распахнул ее и бесцеремонно вошел в наш дом, обретая реальное воплощение» [33].

Подводя итоги относительно общего характера рассмотренных журнальных публикаций, посвященных детскому вопросу, можно отметить следующее.

Во-первых, исследовательская и публицистическая активность была интенсивнее до 1992 г., чем в течение первых постсоветских лет, когда кризис системы социальной защиты детей стал особенно острым и вызвал новую волну массовой детской беспризорности. В зарубежных журналах упоминания о детском вопросе в России встречаются крайне редко на протяжении всего изучаемого периода.

Во-вторых, авторы проанализированных статей не применяют метод историзма к предмету своего исследования. Статистический материал представлен неполными данными при отсутствии динамики изменений. В связи с этим восстановить реальную картину развития ситуации по детскому вопросу за период 1985–1996 гг. при помощи показателей трех уровней исследовательской модели, предложенной в нашей статье, представляется невозможным.

В-третьих, политические течения, решения и изменения, являясь основными причинами возникновения детской беспризорности в исследованный период, не рассматриваются в упомянутых публикациях. Разные авторы не выдвигают никаких глубоких гипотез о наличии причинно-следственных связей в сфере развития детского вопроса.

По поводу задачи, поставленной во вступлении к данной статье, т. е. вопроса об условиях, при которых была бы очевидна осведомленность руководящих деятелей позднесовет-

ской и постсоветской России по детской теме, можно уверенно утверждать, что политическое руководство страны (так же как и просвещенная общественность) в течение «периода распада СССР» располагали достаточной информацией о состоянии дел в детском вопросе. Несмотря на возможную осведомленность по изученной нами детской теме и ухудшение ситуации в социальной сфере, политическое руководство страны, очевидно, не потрудились коренным образом пересмотреть свою политику с целью принятия эффективных мер для улучшения условий жизни детей и подростков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев А. Л. Беспризорные дети России // Социологические исслед. 2002. № 9. С. 61–72.
2. Жилиева С. К. К вопросу о состоянии непризорности несовершеннолетних в современной России // История государства и права. 2012. № 5. С. 22–25.
3. Сиротство и непризорность в России. История и современность / Л. П. Богданов, И. И. Бурлаков, Н. А. Гедимина и др. СПб.: Лики России, 2008. 304 с.
4. Бестужев-Лада И. В. Современные социальные проблемы молодежи (к историко-социологической постановке вопроса) // Отечественная история. 1987. № 2. С. 21–38.
5. Данилов Р. Меры по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом и проблемы их реализации // Советское государство и право. 1985. № 9. С. 45–49.
6. Яковлева Н. Ответственность родителей, злоупотребляющих спиртными напитками, за невыполнение обязанностей по воспитанию детей // Социалистическая законность. 1987. № 2. С. 35–38.
7. Трубин Н. Преступность несовершеннолетних и проблемы ее предупреждения // Советская юстиция. 1990. № 10. С. 2–6.
8. WHO, Interpersonal Violence and Alcohol in the Russian Federation. Policy Briefing. Copenhagen, 2006. P. 4. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/98804/E88757.pdf (дата обращения: 12.03.2016).
9. Child Abuse Prevalence in Russian Urban Population. A preliminary report / F. B. Berrien, G. Aprelkov, T. Ivanova et al. // Child Abuse and Neglect. 1995. № 1 (2). P. 161–164.
10. Антонян Ю. М. Криминогенная роль психологического отчуждения личности // Советское государство и право. 1988. № 8. С. 52–59.
11. Панкратов В. В. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних – комплексная проблема // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 46. С. 25–36.
12. Лелеков В. А., Прохоров Ю. Н. Молодежь: криминальная активность и проблемы ресоциализации // Социологические исслед. 1994. № 8–9. С. 109–115.
13. Алмазов А. Н. Психическая средовая дезадаптация несовершеннолетних. Свердловск: УрГУ. 1986. 150 с.
14. Румянцев А. Практика дел о преступлениях несовершеннолетних // Советская юстиция. 1987. № 17. С. 11–12.
15. Джабраилова А. Участие органов опеки и попечительства в делах по спорам, связанным с воспитанием детей // Советская юстиция. 1985. № 11. С. 11–12.
16. Ермаков В. Д. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних и ее совершенствование // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 47. С. 174–176.
17. Батова С. Помочь детям (материалы «круглого стола») // Советская юстиция. 1990. № 14. С. 9–11.
18. Гишинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исслед. 1991. № 4. С. 72–78.
19. Пихоя Р. Москва, Кремль, Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. Москва: Русь-Олимп, 2007. 720 с.
20. Нечаева А. М. О правовой незащищенности несовершеннолетних и путях ее устранения // Советское государство и право. 1990. № 5. С. 93–97.

21. Мальцев В., Руднев Н. Проблемы воспитания несовершеннолетних правонарушителей // Социалистическая законность. 1990. № 10. С. 34–35.
22. Журавлева Л. Профилактика преступности несовершеннолетних // Советская юстиция. 1990. № 18. С. 7–8.
23. Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1977 «Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних» (пункт 4). URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-normy/k4o.htm> (дата обращения: 14.03.2016).
24. Письмо Минобразования РСФСР от 14.11.1989 № 17-283-2. О направлении Примерного положения об общественном инспекторе по охране детства в Российской Федерации (пункт 7). URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-instrukcii/m8b.htm> (дата обращения: 10.03.2016).
25. Milanovic B. *Income, Inequality and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy*. Washington, D. C.: TheWorldBank, 1997. 115 p.
26. Мирсагатова М., Вшанов М. Лучше строить школы и приюты, чем тюрьмы // Социальное обеспечение. 1994. № 2. С. 13–15.
27. Kultygin V. P. *Poverty and social trends in Russia* // *Scandinavian J. of Social Welfare*. 1993. № 2. P. 142–149.
28. Немцов А. В. Современная алкогольная ситуация в России // Шевердин Н. Питейная традиция и современная цивилизация. Международная Независимая Ассоциация Трезвости. 1994. URL: <http://adic-ukraine.narod.ru/mnat/arch/sheverdin/AP.htm> (дата обращения: 12.03.2016).
29. Воробьев О. Защитить права детей // Законность. 1992. № 3. С. 31–34.
30. Лашук Г. Сексуальные посягательства взрослых и их несовершеннолетние жертвы: криминологическое исследование по материалам судебной практики Татарской ССР: дис. ... канд. юр. наук / Казанский гос. ун-т. Казань, 1991.
31. Гниденко Т. Дети без детства // Ваше право. 1993. № 26. С. 2–5.
32. Cemlyn S. *Working with Street Children in St. Petersburg* // *Social Work in Europe*. 1995. № 2. P. 15–23.
33. Мельникова Э. Б. Профилактика безнадзорности детей и подростков // Правозащитник. 1999. № 2. С. 17–22.

Solheim Karsten

Master of history, Oslo, Norway

V. M. Sereda

Saint Petersburg State University

DISINTEGRATION OF THE USSR AS A FACTOR OF A NEW WAVE OF HOMELESSNESS IN RUSSIA (BASED ON JOURNAL PUBLICATIONS MATERIALS OF 1985–1996)

In the article the evolving street-children problem in Russia (during 1985-1996) is analyzed on the basis of material from contemporary Russian and international journals. Focus is on three aspects of the street-children phenomenon: causalities; manifestations and prevention.

Besprizornost, street children, poverty rate, parental alcohol misuse, child abuse, runaway children, juvenile crime, deviant behavior, prevention, commissions for the affairs of minors (KDN)
